

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

2021

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
На обложке использована иллюстрация
Алексея Провоторова
Составитель: *Парфенов М. С.*

С17 **Самая страшная книга 2021** / Сборник.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 599, [3] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-133332-4

Какие твари скрываются на границе света и тени? Что слепец может противопоставить маньяку? Чью кровь пьют вампиры в постреволюционной России? Как одолеть древнюю ведьму, поселившуюся в заброшке? Можно ли спастись самому или хотя бы спасти душу от взгляда гневного божества с проклятой иконы? Кто и зачем на самом деле построил библейский Ковчег?..

Ответы даст «Самая страшная книга 2021», очередной том уникального, не имеющего аналогов в мире литературного проекта. Антология, составителями которой выступают сами читатели, поклонники жанра ужасов и мистики.

Окупись в черную бездну. Загляни в самое пекло. Благоговей пред ликом Космического Ужаса.

Но остерегайся крутых поворотов сюжета и — собственных страстей.

Читай «Самую страшную книгу». Читай лучшее в русском хорроре!

© Авторы, текст, 2020

© М. С. Парфенов, составление, 2020

© Алексей Провоторов, обложка, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Важное уведомление

Формально составителем антологии «Самая страшная книга 2021» указан Парфенов М. С., на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Епифанову и координаторов отбора, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Все наши ежегодники собраны по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой «таргет-группой») этой антологии являются:

Анастасия Асмаловская — Краснодар

Анастасия Добрынина — Москва

Анастасия Колокольчикова — Домодедово

Виктор Гофман — Караганда (Казахстан)

Владимир Григорьев — Тула

Владимир Кутузов — Новосибирск

Владимир Чистяков — Семенов

Дмитрий Иванов — Нижний Новгород

Дмитрий Карманов — Санкт-Петербург

Дмитрий Прокофьев — Санкт-Петербург

Евгений Гайбарян — Москва

Евгения Новик — Гомель (Белоруссия)

Жанна Ай Тау — Алматы (Казахстан)

Игорь Мартыненко — Керчь

Илья Старовойтов — Курган

Ирина Рудакова — Нижний Новгород

Лариса Львова — Ангарск

Маргарита Семенова — Барнаул

Мария Семенова — Нижний Новгород

Николай Чужинов — Новосибирск

Ольга Яркова – Миннеаполис (США)
Орнелла Такиева – Уфа
Павел Орловский – Домодедово
Сергей Барашкин – Саранск
Татьяна Иванова – Тюмень
Татьяна Рыбалко – Санкт-Петербург
Татьяна Хаданович – Минск (Белоруссия)

Спасибо им за труды.

А еще таргет-группа каждый год обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького».

Любой желающий – и вы тоже – может поучаствовать в этом сложном, но увлекательном процессе. Достаточно заглянуть на сайт hogorbook.ru и отправить заявку. Там же, на упомянутом сайте, публикуется информация о новых книгах серии ССК, равно как и максимально подробные правила ежегодного отбора. Заглядывайте. Читайте. Это безопасно...

Ну, почти.

Ситуация Horror

Масочный режим – off. Снимайте перчатки. Вдохните полной грудью, расслабьтесь. Вообще – устраивайтесь поудобнее, чтобы получить очередную дозу старого доброго книжного страха.

Впереди – несколько сотен страниц печатного текста, сочащегося ужасами всех возможных разновидностей, от экзистенциально-бытового до благоговейно-космического. Но прежде чем с головой окунуться в эту льдистую черную бездну, послушайте-ка вот что.

В 2006 году коллега Александр Вангард – автор нескольких хороших страшных историй, некоторые из них были опубликованы («ЯР», «Самоволка», «Китайская шкатулка»), а некоторые, не сомневаюсь, еще найдут своих читателей в будущем, – в небольшом эссе для любительского электронного журнала рассказал о «темной пользе».

То есть о некоей «предупредительной» функции литературы ужасов. Ну, знаете: сказка про Красную Шапочку учит маленьких девочек не бродить по лесу, не заводить разговоров с незнакомыми «волками» и все такое. Рассказы о маньяках, культистах и разных выдуманных монстрах вроде как оберегают нас от встреч с чудовищами реальными...

Все верно, только я бы добавил – страшные истории не только оберегают «от», но и готовят «к» таким вот нежелательным встречам.

Потому что, как показывает жизнь, никто из нас, сколь бы аккуратен и осторожен он ни был, не застрахован от попадания в «ситуацию horror».

Когда что-то идет не так. Когда привычный порядок вещей оказывается сломан. Когда тебя увольняют

с любимой работы. Когда банда гопников ловит в темном подъезде. Когда орды нежити заполняют округу.

Когда начинается пандемия и президент призывает самоизолироваться в четырех стенах.

Понимаете, о чем я?.. В жизни бывают случаи, когда от нас с вами на самом деле ничего не зависит. Все несется обезумев куда-то напрямик в Ад, а все, что ты можешь с этим поделать, — лишь наблюдать за происходящим со стороны в надежде, что сам не слетишь с катушек туда же, в тартарары.

В 2020 году весь мир понял, что это такое — ситуация horror. Ситуация, когда никто и ничто не гарантирует спасения. Миллионы людей заразились, сотни тысяч погибли... Тысячи из них — в России.

Во время такого кошмара наяву — ситуации horror — очень легко поддаться панике либо, наоборот, безрассудно наплевать на все риски, положившись на извечное русское «авось».

Но вот что интересно: пока где-то крушили вышки 5G и устраивали протесты с погромами — мы, поклонники литературы ужасов, демонстрировали завидное хладнокровие. Я обратил на это внимание потому, что как раз во время карантина и самоизоляции проводился отбор в очередную антологию «Самая страшная книга» — ту, что вы сейчас держите в руках.

В рядах авторов и читателей никакой паники (как и, напротив, бездумного швыряния шапками) не наблюдалось. Переживания были, но только по поводу того, какие истории в итоге попадут в ССК-2021.

Подобный спокойный стоицизм и осмысленное (опять же, спокойное) восприятие кризисной ситуации показали хоррор-фэны не только в нашей стране.

Например, американский кинорежиссер Майк Флэнеган (он, помимо прочего, снял сериал «Призраки дома на холме» и экранизировал роман Кинга «Доктор Сон») написал трогательное и весьма эмоциональное — но лишённое всяких ноток паники! — эссе о любви к жанру на фоне пандемии. Еще несколько кинематографистов умудрились снять короткометражные фильмы

ужасов прямо у себя дома, не нарушая режима самоизоляции,— разве это не достойно восхищения?

И разве не стоит восхититься тем, что, когда из-за порожденного пандемией экономического кризиса встал вопрос о дальнейшем существовании хоррор-вебина DARKER, нашлись десятки людей — читателей и авторов, фэнов жанра,— которые из собственного кармана профинансировали работу издания?..

DARKER выжил в ситуации horror.

Хоррор выжил.

И я убежден, что это не случайно. Мы, поклонники жанра ужасов и мистики, оказались внутренне неплохо подготовлены к чему-то в этом духе, что и помогло нам сохранить ясный рассудок и здравомыслие. Некоторые из авторов ССК заключили договоры на экранизации своих произведений во время пандемии — можете себе такое представить? То есть люди спокойно продолжали жить и работать, соблюдая все необходимые меры предосторожности. Несмотря ни на какие непредвиденные (а ситуацию horror предвидеть невозможно) трудности.

Потому что кровь, боль, смерть и безумие — наше все. Психологически мы, как мне кажется, лучше многих способны на выживание. Равно как на то, чтобы, если не остается другого выхода, принять неизбежное — не покориться, не сложить руки, не выбросить белый флаг, не сдаться, но принять то, чего мы изменить не можем.

В конце концов, книги и фильмы ужасов давно нас к подобному — к чему-то непредвиденному — готовили.

В каком-то смысле ситуация horror — это вообще вся наша жизнь. Поскольку жизнь конечна, ее финал всем известен, а путь к этому финалу, по сути,— выживание. Хоррор — литература о жизни и смерти, а значит — литература о выживании.

Неважно, что именно грозит героям этих историй. Вампиры, неведомые твари из тени, лавкрафтианские монстры, ожившие мифы Древней Греции, наши собственные желания, наш страх или сама природа — вся-

кий раз героям «Самой страшной книги 2021» придется бороться за жизнь. И порой в этой борьбе они проигрывают.

Потому что и в настоящей жизни так бывает. Ситуация horror.

Хочется пожелать нам всем достойно справляться с любыми ужасами в жизни реальной. «Самая страшная книга» в помощь...

Масочный режим — off. И слава богу.

Погружаемся в чтение.

Парфенов М. С.

Дмитрий Тихонов, Богдан Гонтарь
СТИХИ О КРАСНОЙ ДАМЕ,
ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО
ТОВАРИЦА БАГРЯКА

Вечер снаружи был цвета пепла. Анархист постучал пальцем по стеклу:

— Приехали. Ведут, кажись.

Поп лежал на тахте и не видел в окне ничего, кроме бескрайней серости, рассеченной крестом деревянной рамы. Где-то там, за ленивыми холодными облаками, скрывалась удивительная вечнозеленая страна, не знающая ни горя, ни страха. И, несмотря на все молитвы, ни единого взора не позволено было ему бросить на красоты той страны. Несмотря на все молитвы, он оставался здесь, в большой, но пустой квартире на третьем этаже бывшего доходного дома, где пахло плесенью, подсохшей блевотиной, порошком, чесноком и той странной мазью, которой Солдат смазывал остатки лица под маской.

— Слышь, нет? — спрыгнув с подоконника, Анархист пнул его в колено.— Ведут. Давай, батюшка, пробудись для трудов праведных.

— Совсем ошалел? — беззлобно огрызнулся Поп.— На служителя Господа ногу поднял.

— Да плевать. Я Господа твоего не встречал ни разу.

— Ты и Прудона не встречал,— вздохнув, Поп назидательно поднял палец.— Не читал даже, небось. А непотребства его именем творишь, ничуть не стесняясь. Истинно говорю, когда Сын Человеческий по возвращении воссядет на престоле славы, поставит он тебя ошуюю, ибо козлице ты, каких еще поискать!

Анархист усмехнулся, демонстрируя крепкие, ровные зубы:

— Все верно, святой отец. А теперь подымайся, пока харя цела.

— Ох, додержишься ты у нас,— проворчал Поп, но все-таки стащил тучное свое тело с тахты, кряхтя и опираясь о стену.— Мы с Господом такого поведения одобрить никак не можем. Жди воздаяния, безбожник, ибо оно неминуемо.

— В сапог ночью насрешь, что ли?

— В правый. В тот, коим ряса осквернена была. Деяния твои вопиют к отмщению!

— Месть, батюшка, это пошлость. Причем устаревшая пошлость. Мстят только мелкие чиновники и торговцы калачами вразнос.

— Я священник. Я сам теперь — устаревшая пошлость.

Не прекращая пререкаться, они вышли из комнаты. Солдат ждал в передней, возле входной двери. В тусклом освещении его лицо выглядело почти настоящим. Потертости на жести казались оспинами или шрамами, а пышные жесткие усы полностью скрывали узкую прорезь рта. Только края отверстий для глаз неплотно прилегали к коже, и потому Поп старался не смотреть в эти глаза, блеклые и пустые, словно подернутые льдом лужицы.

Говорил Солдат тяжело, тихо — увечье забрало горло,— и, чтобы выслушать его, соратники замолчали.

— Это поэт. Известный. Давно в пользовании и уже едва жив. Не перестарайтесь. Пугать не нужно — смысла нет. Побеседуем. Расскажем правду. Дадим самому выговориться, а потом надавим на совесть.

На лестничной площадке загромыхали подкованные сапоги. В дверь постучали. Солдат отодвинул задвижку, впустил пришедших. Двое чекистов в кожанках, не проронив ни слова, ввели в переднюю высокого человека с худым, скуластым лицом. Он был одет в шинель без знаков различия и явно с чужого плеча. В коротко остриженных волосах блестела седина, бледные запястья стягивала бечевка. Запавшие глаза его были прикрыты, нижняя челюсть отвисла. От человека резко пахло водкой.

— Он пьяный, что ли? — спросил Анархист.

Один из чекистов помотал головой:

— Еще чего. В моторе рожу обтерли, чтобы в себя пришел.

— А стоило стакан поднести,— сказал Поп.— Эх, не умеете вы с богемной публикой работать. Тоже мне, ловцы человек!

Чекист ничего не ответил, лишь упер в него угрюмый взгляд. Много было в этом взгляде неприятного, звериного даже, но был где-то там и страх, и тоска по покою, и пропуск за облака, в Царство Божие,— пропуск с печатью Петроградской Губчека и подписью ее председателя. Поп не отвел глаз. В итоге, пробурчав нечто угрожающее, чекист толкнул Поэта в объятия Анархисту, а сам извлек из кармана мятые сопроводительные бумаги.

— Укушен еще в прошлом году,— сказал он, расправляя документы.— Под наблюдением с января.

— Почему сразу к нам не обратились? — спросил Анархист.

Чекист проигнорировал вопрос. Подглядывая в бумажку, он продолжал бубнить казенные слова, словно бездумно зазубренный стих на уроке:

— ...Несколько попыток самоубийства. После очередной попытки в апреле месяце сего года по личному распоряжению товарища Семенова задержан и направлен в изолятор. Медицинское освидетельствование выявило признаки перерождения организма. Допросы результатов не принесли. Принимая во внимание ухудшающееся здоровье задержанного и его высокую ценность как свидетеля по делу так называемой Красной Дамы, было принято решение передать его в распоряжение спецгруппы товарища Багряка.

Чекист протянул бумаги Солдату:

— Передаем, стало быть. Принимайте.

— Благодарю.

Чекист хмыкнул, пожевал губами, собираясь сказать еще что-то, потом дернул головой и вышел на лестницу, увлекая за собой напарника. Поп захлопнул за ними

дверь, осенил ее крестным знаменем. Слова в самом деле были не нужны. И без всяких слов каждый из них понимал, что спецгруппа доживает последние недели. Упырья в Петрограде почти не осталось, в ЧК все меньше беспокоились о кровососах и все активнее присматривались к контрреволюционным элементам. Тревожные слухи просачивались в квартиру вместе с ветром и сырой плесенью.

Оставалось одно дело. Последнее. Самое важное.

— Куда его? — спросил Анархист, встряхнув новопривышего, будто мешок с тряпьем.— В выставочный зал?

— Нет,— сказал Солдат.— Он там сойдет с ума. На кухню.

Поп принялся разжигать примус, чтобы сварить кофей. Поэта усадили на табурет, освободили ему руки и дали выпить воды. Анархист угостил папиросой. Затянувшись, Поэт закашлялся, но зато потом смог открыть глаза. Они оказались тоскливо-серыми, как небо за окном.

— Кто вы? — спросил он.— Палачи?

— Если бы,— сказал Поп.— Я, например, устаревшая пошлость. А тот вон, наглый, вредное идеологическое заблужде...

Солдат жестом оборвал эту тираду, опустил на второй табурет напротив Поэта. Тот долго рассматривал его, не выпуская из губ дымящейся папиросы. Все молчали, но молчание это не казалось тягостным: в нем созревало нечто важное, нечто теплое, так редко встречающееся в тяжелые времена.

— Что у вас с лицом? — спросил наконец Поэт.

— Оно сделано из жести,— глухо ответил Солдат.— Сделано в мастерской Анны Лэдд, во Франции, четыре года назад. Оно уже порядком поистрепалось, но другого у меня нет. Свое настоящее лицо я потерял в бою.

— В России наверняка есть мастера, которые могут вам помочь.

— Возможно. Не искал, не интересовался. Для тех, за кем я охочусь, человеческие лица не имеют значения. Им важны сосуды.— Солдат поднял руку в перчатке,

коснулся горла обтянутыми черной кожей пальцами.— Вены и артерии. Так уж вышло, что осколки вражеского снаряда не тронули моей шеи. Не расплескали еду. Там, на войне, столько первоклассной крови было пролито без всякого смысла. Горячая, соленая, она просто растекалась по земле и впитывалась в нее. Представляете?

Поэт побледнел еще сильнее. Он молчал и смотрел на Солдата не мигая, позабыв об окурке, дымящемся меж пальцев.

— Вижу, понимаете, о чем толкую,— сказал Солдат.— Отлично. У нас не остается времени на игры. У вас — тем более.

Он замолчал, собираясь с силами. Поп и Анархист тревожно переглянулись: знали, что каждое слово причиняет их командиру жуткие мучения — изуродованная челюсть больше не годилась для человеческой речи. Судя по всему, он возлагал на эту беседу большие надежды.

— В семнадцатом я вернулся домой,— продолжил Солдат, переведя дух.— Но дома ждало кое-что хуже войны. Пустое, тихое село. Ни людей, ни собак, ни птиц. Я бродил меж домов, безуспешно пытаюсь отыскать хоть одну живую душу. А затем настала ночь, и мертвые нашли меня сами.

Сглотнув, он снова замолк. Шумел примус, закипала в кастрюле вода. Окурок в руке Поэта догорел и погас, наверняка обжегши ему пальцы. Анархист закурил новую папиросу. Дым неспешно, украдкой тянулся к форточке, словно не в силах оставаться в заполненной болью кухне. Поэт был бледен как полотно, однако плотно сжатые губы кривила едва заметная усмешка.

— С тех пор я иду по следу этой твари,— сказал Солдат.— След пахнет кровью, но ни единого пятнышка на нем не увидеть. Она вылизывает все подчистую. Из Владимирской губернии я пришел за ней в Москву. Оказалось, подобных созданий немало в стране. Веками сидели они в старинных своих поместьях, в гниющих усадьбах, питаюсь понемногу мужиками и бабами из окрестных деревень. Но вот мир всколыхнулся, усадьбы

загорелись, и нечисть повыползала из нор, ошалев от страха и голода, потянулась в Москву, надеясь затеряться среди людских толп. Мой опыт очень пригодился уголовному розыску, за год мы выловили и упокоили несколько десятков тварей. Но ее — ту самую — не достали. Пару раз она была почти у нас в руках, но выскальзывала в последний момент, растворялась в темноте...

Солдат прервался, стиснул кулаки так, что перчатки закрипели. Склонил голову. Стало ясно, что ему требуется передышка. Упавшее знамя не колеблясь подхватил Анархист:

— Я тогда как раз тоже в Москве оказался. Мы экспроприировали особняки богачей, а большевики потом нас из этих особняков выгоняли. Веселое было времечко. Ну и вот, заняли один купеческий дом на Малой Алексеевской. Думали, он пустой, но ночью оказалось, что хозяева никуда не уходили. Помню, просыпаюсь от странного такого звука — будто скрипит что на ветру: ставень или дверь незапертая. Открываю глаза: стоит на потолке старик плешивый, тощий и длинный, что твой колодезный журавель. Настолько длинный, что как раз достает зубами до горла дружбана моего, который на хозяйском диване лежал. Шея у дружбана вся разорвана в клочья, но он еще жив. Таращится на меня и силится закричать, да только крика уже не выходит никакого — один скрип.

Я сперва даже не испугался. Никак поверить не мог в то, что вижу. Лишь когда старик повернулся ко мне и зубы окровавленные ощерил — вот от вида этих-то зубов меня и пробрало. Заорал я, схватился за нож. Ему, конечно, от ножа никакого вреда бы не сделалось, но крик разбудил остальных товарищей, и старик, что называется, ретировался — обратился туманом и утек под дверь. Они это умеют, ты знаешь.

Поэт, вздрогнув, впервые повернулся к Анархисту. Тот жестом предложил ему еще одну папиросу, а когда Поэт отказался, продолжил рассказывать:

— Ох и суету мы подняли. Я, понятное дело, ни словом не обмолвился о том, что старик на потолке стоял.

Сам еще думал или надеялся, что привиделось. Просто объяснил: так, мол, и так, был какой-то плешивый дед в комнате, а потом смылся. До сих пор себя простить не могу. Обыскали с товарищами весь дом сверху донизу, нашли потайной спуск в подвал. А там уже ждали хозяин с хозяйкой.

Короче говоря, уцелело нас только двое: я и земляк мой, бывший балтийский матрос. Он, правда, умом двинулся. Говорить перестал, одни лишь молитвы шептал иногда. А меня сперва расстрелять хотели, думали, это мы с земляком своих порешали в пьяном угаре. Но я возьми да и расскажи на допросах всю правду. Надеюсь, тоже в умалишенные запишут, а меня вместо этого вот, в спецгруппу определили. Такие дела.

Анархист перевел взгляд на Попа. Тот как раз высыпал в чашку остатки вчерашнего кофея из мельницы и залил их кипятком. Кухню наполнил тягучий уютный аромат. Поэт глубоко вдохнул, зажмурился на мгновение. Он походил на человека, потерявшего память и теперь пытающегося вспомнить свою прежнюю жизнь, цепляющегося за любые, даже самые ничтожные напоминания о ней. Еще он походил на мертвеца.

Поп поставил перед ним чашку и отступил на шаг, сложив ладони на груди:

— Пару лет назад я укрыл у себя в доме беглеца. Протянул руку ближнему, как заповедано. Заявился он ночью, дети уже спали. Судя по платью — обычный мещанин, потрепанный, небогатый, но речь и манеры его выдавали. Во время беседы так и хотелось склонить голову: «Да, ваше благородие!» Сказал, что скрывается от большевиков. Почему, не уточнял, да я и не спрашивал — у таких людей точно были причины не любить новую власть. Вел он себя странно, но про те странности я уже только потом думать начал: сидел спиной к красному углу, на иконы на стенах смотреть избегал, перед сном молитву читать отказался. Сказал, устал сильно. Уложил я его в свободной комнатке, а сам еще подумал, как бы не поплатиться потом за такую помощь...